

М.В. Шкаровский

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В КОРЕЕ

Статья посвящена Русской православной духовной миссии в Корее, непростым и трагическим перипетиям в её судьбе. Учрежденная в конце XIX в., Миссия успешно развивала свою деятельность, которая ненадолго была осложнена русско-японской войной 1905—1907 гг. Самый существенный удар по деятельности Миссии был нанесен революционными событиями в России в 1917—1918 гг., в результате чего Россия утратила как религиозное, так и политическое влияние в Корее. У Миссии возникли сложности материального и юрисдикционного плана, в результате чего с начала 1950-х гг. она стала подчиняться Константинопольской Патриархии.

Ключевые слова: духовная миссия, история Церкви, церковная юрисдикция, миссионерская деятельность, миссионерская школа, миссионерский стан, русско-японская война 1905 г., перевод богослужебных книг, дальний Восток, РПЦЗ, Японская Православная Церковь.

Российская духовная миссия в Корее была учреждена указом Святейшего Синода от 2–4 июля 1897 г. Эта дальневосточная страна обрела формальную независимость от Китая по Симоносекскому договору 1895 г., а 12 октября 1897 г. корейский король Коджон провозгласил себя императором. По мере развития русско-корейских отношений постепенно возникла необходимость создания церковного представительства при Российской дипломатической миссии в стране. В задачу этого представительства входило бы попечение о русских православных, проживающих на Корейском полуострове, а также проповедь Православия среди местного нехристианского населения. Учрежденная по инициативе министра финансов С.Ю. Витте и финансирувавшаяся лично императором Николаем II, Корейская Миссия должна была через миссионерскую и культурную деятельность обеспечивать политическое влияние России в стране.

Определенную роль в создании Миссии сыграли массовое переселение корейцев в конце XIX–начале XX вв. на территорию Российской империи и миссионерская работа православного духовенства в их среде. Начало формирования корейской диаспоры на Дальнем Востоке относится к 1862 г. Основной причиной иммиграции стало тяжелое экономическое положение народа в тогдашней

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Корее, связанное с деспотизмом политического режима и аграрным перенаселением страны, усугубленное рядом стихийных бедствий. Особенно массовый характер корейская иммиграция приобрела после усиления положения Японии в Корее. Уже в 1860-е гг. святитель Иннокентий (Вениаминов) крестил первых корейских иммигрантов, живших вблизи Новгородской гавани, на территории Посьетского участка. В 1868 г. была открыта первая миссионерская школа для корейских детей, в 1870-х гг. возникли корейские приходы, а в с. Корсаковка на средства корейцев была построена первая церковь. Одновременно создавались миссионерские станы, состоявшие из нескольких сел с храмами, часовнями и школами. Из примерно 50 тыс. корейцев, поселившихся к 1910 г. в Приморском крае, 10237 мужчин и женщин в результате миссионерской деятельности перешли в Православие¹. По данным Владивостокского Епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1913 г. на территории Дальнего Востока находилось 16 миссионерских станов: 10 с корейским населением и 6 с инородческим, общее число прихожан-корейцев достигло 13600. К 1917 г. в России действовали 225 миссионерских корейских школ, где обучалось 8349 детей; общее же число корейцев в Сибири и на Дальнем Востоке в 1920 г. превысило 300 тыс. человек².

В свою очередь в январе 1897 г. и в Сеуле уже проживало около 120 русских служащих и 30 православных российских корейцев³. В середине 1899 г. первый сотрудник Духовной Миссии — иеродиакон Николай (Алексеев) поселился в Корее. В начале января 1900 г. в Сеул прибыл назначенный указом Синода от 7 сентября 1899 г. начальником Миссии — вместо так и не приехавшего в Корею архимандрита Амвросия (Гудко) — архимандрит Хрисанф (Шетковский). 17 февраля он освятил домовую церковь свт. Николая Чудотворца при российском посольстве, в квартире посланника. Собственного помещения новая Миссия еще не имела, и посланник России в Сеуле А.Я. Павлов предоставил в ее распоряжение здание бывшего русско-корейского банка. Со дня своего основа-

¹Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Выпуск XI. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве. СПб., 1912. С. 141, 191.

²Сагитова И.О., Прозорова Г.В. Евангелизация корейского населения российского Дальнего Востока (1864–1917) // Сайт «Православие в Корее». URL: <http://www.korea.pravoverie.ru/content/view/44/39/>.

³Феодосий (Перевалов), архим. Российская Духовная Миссия в Корее (1900–1925 гг.) // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999. С. 179–180.

ния до 1908 г. Корейская Миссия находилась в ведении Санкт-Петербургского митрополита, а с 1908 по 1921 гг. — в ведении Владивостокского архиепископа⁴.

15 октября 1900 г. при Миссии была открыта православная школа для корейских мальчиков, в которой первоначально обучалось 12 человек. Число корейцев, принимавших Православие, постоянно росло. Сотрудники Миссии придавали большое значение переводу вероучительных и богослужебных книг: уже в 1900 г. были переведены на корейский язык «Православное исповедание» свт. Димитрия Ростовского, Часослов и «Чин крещения язычников»⁵. Затем о. Хрисанф перевел «Краткий молитвослов», краткое изложение веры и выдержки из «Простых речей о великих делах Божьих» преосвященного Макария Томского. В первые годы существования Миссии она развивалась довольно быстро: уже в 1898 г. для нее был приобретен земельный участок в районе Динг-Донг, расположенный недалеко от центра столицы. В 1901 г. приступили к строительным работам, а в следующем году были выстроены шесть кирпичных зданий: дом для миссионеров, колокольная, дом для переводчиков, здание школы с комнатами для преподавателей и подсобные помещения. 6 марта 1902 г. о. Хрисанф освятил строения Миссии; в качестве храма первоначально решили использовать здание школы. 17 апреля 1903 г. состоялось торжественное освящение церкви в честь свт. Николая Чудотворца, к 1904 г. были крещены 14 корейцев и открыт первый миссионерский стан в Мунсане⁶.

Большие затруднения в работе Духовной Миссии были вызваны русско-японской войной и первой русской революцией. Этим, прежде всего, объясняется небольшой рост православной общины по сравнению с другими христианскими конфессиями в Корее. Сразу же после начала войны Миссия на короткий период стала центром российской национальной жизни. 27 января 1904 г., когда японцы совершили вероломное нападение на русские корабли в Инчхоне, русские жители Сеула пришли в церковь, чтобы молиться о победе российского оружия. Но уже через несколько дней Корея подверглась японской оккупации, и все российские граждане были вынуждены покинуть ее пределы. Архимандрит

⁴ *Августин (Никитин), архим.* Россия и Корея. Обзор церковных связей // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб., 2004. С. 137; *Феодосий (Перевалов), архим.* Российская Духовная Миссия... С. 184–188; *Kharin I.* Orthodoxy in Korea: the Russian period. Princeton, 2008. Manuscript. P. 12–13.

⁵ *Августин (Никитин), архим.* Русская Православная Миссия в Корее // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1. СПб., 1993. С. 137–138.

⁶ *Хрисанф, еп.* Из писем корейского миссионера. М., 1905. С. 6–7; *Анисимов Л.* Православная миссия в Корее (к 90-летию основания) // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 5. С. 57.

Хрисанф и его сотрудники 2 февраля были высланы из Сеула японской военной администрацией и выехали через Инчхон в Шанхай, где нашли временный приют в отделении Китайской Православной Духовной Миссии. После возвращения в Россию о. Хрисанф был хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии. Имущество Корейской Миссии было опечатано и вверено на сохранение французскому посольству, миссионерские школы закрыты и т.д.⁷ Владыка Хрисанф с горечью переживал разорение своего детища: оставшись в России, он умер через год после епископской хиротонии — в 1906 г.

После поражения России в войне и заключения 5 сентября 1905 г. Портсмутского мирного договора российское политическое влияние в Корее было практически полностью утрачено. В ноябре 1906 г. эта страна была вынуждена признать над собой японский протекторат, японцы также заставили императора Коджона отречься от престола в пользу его сына Сунджона. С этого времени и до 1917 г. российская колония в Сеуле ограничивалась консульством, миссийским персоналом и приблизительно 10–20 торговцами⁸. 22 августа 1910 г. последовала полная аннексия Кореи: на ее территории в большом количестве разместили японские военные предприятия, земли местных жителей отбирались и передавались японцам, корейские школы закрывались, а в открывавшихся японских запрещалось преподавание истории Кореи.

Посетивший эту страну в 1909 г. синодальный миссионер-проповедник, известный философ-богослов, публицист и общественный деятель протоиерей Иоанн Восторгов так писал об этой ситуации: «Япония открыто развивает в Корее напряженную деятельность, обращая страну в базу военных предприятий против России... Как политическое тело она [Корея] фактически не существует... Корейцы нескрывая вытесняются из страны... Японцы, в Японии относящиеся к миссионерам весьма терпимо, в Корее держат их под большим подозрением... По всей Корее господствует убеждение, что принятие христианства целым народом спасет корейский народ от поглощения японцами... Что касается северных частей Кореи, то там стеснения имеют цель вынудить корейцев переселяться в Россию, и если бы не было препятствий для такого переселения со стороны русских законов, то мы в Уссурийском крае уже теперь имели бы не менее миллиона корейского населения. Несмотря на запрещение нашего закона принимать корейцев в русское подданство и давать им земельные наделы, все-

⁷ *Феодосий (Первалов), архим.* Российская Духовная Миссия... С. 218–219; *Kharin I.* Orthodoxy in Korea... P. 13.

⁸ Республика Корея. Париж–Люксембург–Москва, 2000. С. 47.

таки корейцы десятками тысяч ежегодно переходят на жительство в пределы России»⁹.

Новый период в истории Корейской Миссии наступил после определенной нормализации отношений между Россией и Японией. 14 августа 1906 г. была вновь открыта православная церковь свт. Николая Чудотворца в Сеуле. Назначенный летом 1906 г. начальником Миссии выпускник Восточного института в г. Владивостоке архимандрит Павел (Ивановский) широко развернул проповедническую деятельность и за время своего пребывания в Корее крестил 322 корейца, создал пять миссионерских станом, семь школ для корейских детей с 20 учителями и 250–260 учащимися, а также четыре молитвенных дома (в городах Кёхе, Каругай, Сончон, Ильсан). В 1910 г. в Сеуле были построены два новых здания для школы — кирпичное и фанзовое. В послевоенный период в составе Миссии трудилось семь сотрудников (три штатных и четыре нештатных): начальник, два иеродиакона, учитель, регент и два русских певчих¹⁰.

В 1907 г. во Владивостоке, где проживало около 10 тыс. корейцев, было устроено подворье Миссии, и 9 декабря 1907 г. в сооруженном на добровольные пожертвования двухэтажном здании церкви-школы при нем освящена домовая церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», в память убиенных в 1904–1905 гг. русских воинов. С 1913 г. в здании этой церкви-школы вместо первоначально располагавшегося здесь городского училища начали действовать школа Духовной Миссии и Катехизаторское училище¹¹.

Значительное внимание о. Павел уделял переводу богослужебных книг, это дало возможность совершать все богослужения и требы для корейцев на их родном языке. Были переведены молитвослов, Часослов, Паримийник, Служебник, Требник, избранные службы из Октоиха, Триоди и праздничной Минеи, а также краткая история Ветхого и Нового Заветов, катехизис, последование ко Святому Причащению и чин панихиды. Многие переведенные книги были вскоре отпечатаны в типографии; часть же переводов так и осталась в рукописях¹².

⁹ *Иннокентий, иером., Прозорова Г.В.* Рассказ о первом викарии Владивостокско-Камчатской епархии епископе Павле (Ивановском) // Сайт Владивостокской епархии Русской Православной Церкви <http://orthodox.fegi/prav3.htm>.

¹⁰ *Феодосий (Перевалов), архим.* Российская Духовная Миссия... С. 221, 240.

¹¹ *Прозорова Г.В.* Знаменитые архипастыри выпускники Восточного института в г. Владивостоке // Сайт Владивостокской епархии Русской Православной Церкви <http://orthodox.fegi/prav3.htm>.

¹² *Бувеский А.С.* Православная Церковь за границей // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 10. С. 31; *Анисимов Л.* Православная миссия в Корее... С. 58.

После шести лет успешной миссионерской деятельности, в 1912 г., архимандрит Павел был отозван на родину для работы с российскими православными корейцами и 22 июня возведен в сан епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии¹³. Но и в России он не оставил попечения о Корейской Миссии, продолжая во многом управлять ею из Владивостока, как ее блюститель, вплоть до своей кончины в 1919 г. Следующими дореволюционными начальниками Миссии были: в 1912–1914 гг. — архимандрит Иринарх (Шемановский), в 1914–1917 гг. — игумен Владимир (Скрижалин) и в 1917 г. три с половиной месяца — иеромонах Палладий (Селецкий). При о. Иринархе были крещены 110 корейцев и в 1914 г. устроен пятый молитвенный дом — в г. Марысими. О. Владимир и его помощники крестили 181 корейца, а о. Палладий — двух¹⁴. Первым корейским православным священнослужителем стал Иоанн Канг Хантак, в 1911 г. он был рукоположен во диакона и в 1912 г. — во иерея епископом Токийским Сергием (Тихомировым). 11 августа 1913 г. епископ Павел (Ивановский) рукоположил во диакона Луку Ким Хиджуна¹⁵.

Революционные события 1917 г. и последовавшая вскоре утрата связей с Россией значительно осложнили деятельность Корейской Духовной Миссии. К этому времени в нее входили 12 человек: заведующий (иеромонах), священник, диакон, два псаломщика и семь катехизаторов (заведующий и один псаломщик были русскими, а остальные — корейцы). Кроме церкви в Сеуле, Миссия имела пять миссионерских станов — фактически приходов в провинции, с несколькими сотнями христиан корейцев. При каждом из станов был молитвенный дом-фанза и небольшой клочок земли. До 1918 г. эти станы обслуживались священником, псаломщиком и пятью катехизаторами-корейцами, но затем, когда исчезли все средства к существованию, служащие станов прекратили свою деятельность и селения остались без руководителей. Еще в первой половине 1917 г. были уволены катехизаторы Миссии, поэтому в дальнейшем их роль исполняли местные старожилы-корейцы. 1 июля пришлось закрыть все школы из-за отсутствия средств на их содержание и уволить 17 учителей-корейцев. Возглавляемая с 1 октября 1917 г. в качестве заведующего иеромонахом Феодосием (Переваловым) Корейская Миссия в результате революции полностью лишилась высылаемых ей Синодом денежных средств. Не имея никаких собственных статей до-

¹³Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 163–164.

¹⁴Феодосий (Перевалов), архим. Российская Духовная Миссия... С. 252, 306.

¹⁵Rutt R. The Orthodox Church in Korea // Sobornost. Summer 1957, series 3: № 21. P. 490; Kharin I. Orthodoxy in Korea... P. 27–28, 51.

хода, Миссия оказалась в самом бедственном положении. К середине 1918 г. в ее составе осталось только три человека — иеромонах Феодосий, диакон Лука Ким и псаломщик Алексей Ким. Миссия сохранила также маленький детский хор из 10–12 человек и 2–3 служащих¹⁶.

Архиепископ Владивостокский Евсевий (Никольский) разрешил сдать в аренду главное здание Миссии в Сеуле со всеми второстепенными постройками, с тем чтобы служащие Миссии переехали в пустовавшее здание школы, куда следовало перенести также и церковь Миссии. Однако ни основное здание, ни пристройки к нему не были сданы в аренду из-за отсутствия заинтересованных арендаторов, и заведующему Миссией пришлось начать продажу принадлежавших ей земельных участков (прежде всего пустовавших школьных домов в провинции).

Викарий Владивостокского архиепископа, епископ Павел (Ивановский) писал 17 апреля 1918 г. иеромонаху Феодосию из Москвы: «Сообщаю Вам, что я докладывал о бедственном положении Сеульской Миссии Собору и писал доклады спешные, но практической пользы добьемся едва ли скоро, ибо Церковь наша не только бедна, но и нища, а сборы церковные теперь тащат во все стороны, чтобы заткнуть нужды на местах. Притом 40 миллионов церковных денег конфискованы. Ввиду этого я уже писал Вам, чтобы Вы продавали ненужные церковные здания, а затем и дачу за северными воротами. Бывшую женскую школу сдайте в аренду, если нельзя сдать главного миссийского здания... Бедствуют все Миссии: Пекинская тоже приступила к распродаже кое-какого имущества». Несмотря на все трудности, архиепископ Евсевий просил о. Феодосия не покидать Сеул. Таким образом, Миссия фактически была предоставлена самой себе, а покупателей на ее здания не находилось. Позднее иеромонах Феодосий писал, что закрытия Миссии не произошло лишь «только по нравственной поддержке архипастырей Владивостокских, отечески советовавших... держаться до последней крайности»¹⁷.

В этих условиях Миссия получила материальную поддержку со стороны инославных и иноверных. Так, начальник Англиканской Миссии в Сеуле — епископ Марк Троллоп поддерживал Православную Миссию ежемесячными денежными субсидиями по 250–300 йен с июня 1918 по декабрь 1919 гг. (в общей сложности 5100 йен). Проживавший в Иокагаме пионер российской торговли в

¹⁶ Феодосий (Перевалов), архим. Российская Духовная Миссия... С. 284–285.

¹⁷ Поздняев Д., свящ. К истории Российской Духовной Миссии в Корее (1917–1949) // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999. С. 352–353.

Корее иудей М.А. Гинсбург также пожертвовал Миссии в конце 1918 г. 10 тыс. рублей (что тогда было эквивалентно 2100 йенам) без каких-либо обязательств с ее стороны. Кроме того, по ходатайству Токийского архиепископа Сергия и министра юстиции белого Омского правительства Г.Г. Телберга три-четыре раза небольшую помощь Миссии предоставляло Российское посольство в Токио, продолжавшее работать до признания Японией СССР в 1925 г.¹⁸

Несмотря на оказанную помощь, о. Феодосий должен был сдать в аренду под огороды значительную часть земель, что стало основным источником дохода на долгие годы. К счастью для работников Миссии, в их собственности имелось небольшое рисовое поле, что позволило им получать пропитание и часто спасало от голода. Все свободные квартиры также были сданы русским иммигрантам. Бедная корейская паства не в состоянии была материально поддержать Миссию (к тому времени в Приморье, Маньчжурии и Японии проживало около 6 тыс. православных корейцев, в самой Корее — около 600 человек)¹⁹.

Согласно указу Временного Высшего Церковного Управления в Омске от 19 июля 1919 г. Корейская Миссия по-прежнему подчинялась Владивостокскому архиепископу. 2 ноября 1920 г. Владивостокский Епархиальный совет утвердил иеромонаха Феодосия в должности начальника Корейской Миссии. Ее подчинение Владивостокскому архиепископу сохранялось и в период существования Дальневосточной республики 1920–1922 гг.²⁰

С поражением белого движения в Приморье стали невозможными прежние церковные связи между Владивостоком и Сеулом. В этих обстоятельствах Японская Православная Духовная Миссия, ставшая основой для Японской Православной Церкви, казалась лучше всего подходящей, чтобы поддержать Корейскую Миссию и защитить ее от юридических претензий советского и японского государств. Идея поручить руководство Корейской Миссией русскому иерарху в Японии неоднократно высказывалась и раньше. В частности, епископ Павел (Ивановский) писал об этом в Токио Владыке Сергию (Тихомирову) в 1917 г.²¹

Непосредственной же причиной подобного решения стало частное письмо, посланное из Сеула иеромонахом Феодосием находившемуся в Москве архиепископу Евсевию, который передал его Патриарху Тихону, и указом Свя-

¹⁸ *Rutt R. The Orthodox Church...* P. 488; *Феодосий (Перевалов), архим.* Российская Духовная Миссия... С. 277–278.

¹⁹ *Поздняев Д., свящ.* К истории Российской... С. 353.

²⁰ *Kharin I. Orthodoxy in Korea...* P. 15, 48.

²¹ *Феодосий (Перевалов), архим.* Российская Духовная Миссия... С. 263.

щенного Синода от 4/17 ноября 1921 г. Миссия была изъята из подчинения Владивостокскому Епархиальному управлению. В соответствии с этим указом с момента получения синодального решения (26 января 1922 г.) Миссия стала подчиняться архиепископу Токийскому Сергию (Тихомирову). 2/15 декабря 1922 г. и Русский Архиерейский Синод за границей принял решение о передаче Духовной Миссии в Корею в управление архиепископа Сергия²².

Фактически же Миссия перешла в ведение Владыки Сергия в 1923 г., который приезжал в Сеул впервые 1 июля 1921 г., а затем — для знакомства с новой паствой — 30 декабря 1923 г. Дважды, проездом в Токио, — 19-31 августа 1921 г. и 17 декабря 1923 г. в Сеуле побывал епископ Камчатский Нестор (Анисимов). 5 марта 1923 г. за труды по управлению Миссией архиепископ Сергий возвел о. Феодосия в сан архимандрита, а 31 марта 1924 г. рукоположил диакона Луку Кима в сан священника.²³ Следует отметить, что Корейская Миссия находилась под личным управлением Владыки Сергия и никогда не объединялась с Японской Православной Церковью, в частности, с проживавшими в Корее православными японцами, которых окормляли приезжавшие к ним японские священники²⁴.

Число этих японцев, селившихся в различных частях Кореи постепенно росло. Вопрос их окормления был решен Собором Японской Церкви, и священник Антоний Такаи Макио из Нагасакского прихода, который также окормлял православных японцев, проживавших в Маньчжурии и на Тайване, являлся постоянным японским священником для Кореи в течение почти всего колониального периода. Уже в июле–августе 1919 г. он посетил, по крайней мере, 23 хозяйства православных японцев в Корее, некоторых знакомых русских в Сеуле и Пусане, а также начальника Миссии о. Феодосия. Хотя в это время в Корее проживало, как минимум, 100 православных японцев, они никогда не упоминались ни в каких материалах Духовной Миссии, и, таким образом, существовал явный недостаток взаимодействия между японскими и корейскими единоверцами. Одной из причин являлся лингвистический барьер, другой — социальные различия: японцы были гораздо богаче. Определенные связи обеспечивали только русские эмигранты: в частности, о. Антоний Такаи дружил с некоторыми проживавшими в Корее русскими²⁵.

²²Церковные ведомости. Сремски Карловцы. 1922. № 18–19. С. 5.

²³Феодосий (Перевалов), архим. Российская Духовная Миссия... С. 298–303.

²⁴Kharin I. Orthodoxy in Korea... P. 15, 49.

²⁵Rutt R. The Orthodox Church... P. 487; Kharin I. Orthodoxy in Korea... P. 34–35.

В 1924 г., накануне установления советско-японских дипломатических отношений, Корейская Миссия оказалась перед необходимостью срочной регистрации своей недвижимости, поскольку советские власти пытались претендовать на все церковное имущество за границей на правах преемника Российской Империи. Существовала и опасность того, что на имущество Миссии станут претендовать поддерживаемые руководством СССР раскольники-обновленцы. В случае соответствующего договора с Японией, под чьей властью тогда находилась Корея, Духовная Миссия могла лишиться всего своего достояния. Между тем японские власти отказывались признать Корейскую Миссию как самостоятельное юридическое лицо. Регистрация имущества на имя Русской Православной Церкви привела бы к потере собственности в будущем, а регистрация на частное лицо повлекла бы за собой слишком высокое налогообложение, к тому же законность такой регистрации могла оспариваться другими лицами. В этой связи было принято решение включить имущество Миссии в «Имущественное общество Японской Православной Церкви», признаваемое японскими властями в качестве юридического лица (часть собственности еще раньше была зарегистрирована на частное лицо — игумена Владимира, заведовавшего Миссией в 1914–1917 гг.)²⁶.

Совет директоров общества возглавлял Токийский архиепископ Сергей, который в письме от 13 июля 1924 г. сообщил о. Феодосию, что все имущество Миссии зарегистрировано должным образом, уверил в полной неприкосновенности ее авуаров и отправил архимандриту оригиналы соответствующих документов. Вскоре Японская Церковь послала в Сеул своего эксперта по регистрации собственности — диакона Моисея Кавамуру, который узаконил юридическое состояние Корейской Миссии, сохранив ее от советского поглощения²⁷. После прекращения полноценного церковного общения с Московским Патриархатом Миссия несколько раз подвергалась попыткам захвата (как имущества, так и церковной власти) со стороны разных лиц. Первая такая попытка была сделана в 1925 г., дело носило имущественный характер и предпринималось лишь в целях наживы. При этом на место архимандрита Феодосия предполагалось поставить корейского священника. Зачинщики акции были силой выведены с территории Миссии русскими иммигрантами, нашедшими приют в Корее в послереволюционные годы.

²⁶ Поздняев Д., священник. К истории Российской... С. 354–355.

²⁷ Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская Духовная Миссия... С. 294–295.

Следует отметить, что после взятия Владивостока Красной Армией в 1922 г. в течение нескольких недель около 15 тыс. русских прибыли в ближайший корейский порт Вонсан, из них приблизительно 7 тыс. оставались в стране в течение нескольких месяцев или даже лет. К середине 1920-х гг. в Корее еще проживали 2–3 тыс. русских, большинство из которых бедствовали, добывая средства к существованию мелкой торговлей, контрабандой или случайными заработками²⁸.

Эти люди нашли в Миссии естественный центр для проведения своих культурных и общественных мероприятий, также как и место проживания. Способные вносить арендную плату, эмигранты стали жителями почти всех сдаваемых в аренду помещений Миссии и скоро получили заметное влияние на ее деятельность. Это русское население стало новым явлением в жизни Миссии, в значительной степени временно превратив ее в церковную организацию российских беженцев, что, в частности, повлияло на политическую ориентацию Миссии. Так, например, архимандрит Феодосий в середине 1926 г. писал, что он отказывается идентифицировать СССР с Россией: «Россия осталась за верными Церкви и родине людьми, которые не поклонились “красному зверю”»²⁹.

В феврале 1925 г. Япония установила дипломатические отношения с Советским Союзом, в сентябре того же года Российское генеральное консульство в Сеуле (последним управляющим которого в 1921–1925 гг. был М.Ф. Гефтлер) оказалось закрыто, и его сменило Генеральное консульство СССР, занявшее прежнее здание, рядом с территорией Духовной Миссии³⁰. Вслед за первым советским консулом Борисом Шармановым стали появляться и «красные русские» — сотрудники консульских учреждений и внешнеторговых организаций. С этого времени, вплоть до 1945 г., «гражданская война» среди сеульских русских уже не прекращалась. Немногочисленная «белая» и совсем крохотная «красная» общины друг с другом принципиально не общались. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что «враждебные штабы» — здания советского консульства и Духовной Миссии, ставшей главным центром «белых русских», оказались в непосредственном соседстве друг с другом³¹.

²⁸ Розалиев Ю.Н. Из истории российско-корейских отношений. М., 1998. С. 61; Республика Корея. С. 47.

²⁹ Феодосий (Первалов), архим. Российская Духовная Миссия... С. 292.

³⁰ Розалиев Ю.Н. Из истории российско-корейских... С. 51.

³¹ Августин (Никитин), архим. Россия и Корея... С. 154.

В начале 1925 г. в составе Миссии были три миссионера (архимандрит Феодосий, священник Лука Ким и псаломщик Алексей Ким), хор певчих из 10–12 русских и корейцев, пять станов, 570 православных корейцев и 19 прихожан-иностранцев. Из общего числа 592 прихожан 194 проживали в Сеуле, 113 — в Марысими, 89 — в Сончоне, 77 — в Каругае, 63 — в Кёхе и 56 — в Ильсане. Библиотека Миссии в Сеуле насчитывала 3749 томов. 17 февраля 1925 г. исполнилось 25 лет со дня начала деятельности православных миссионеров в Корее (освящения церкви в Сеуле). Архимандрит Феодосий хотел отметить этот юбилей, но архиепископ Сергей при личном свидании с ним высказался не в пользу празднования: «Теперь, когда Россия и Церковь находятся в угнетении, не время юбилейных празднеств и торжеств». В соответствии с этим указанием начальник Миссии ограничился в день юбилея обычным богослужением с добавлением молебного пения в храме. 30 июня 1926 г. о. Феодосий завершил написание интересного и содержательного очерка «Российская Духовная Миссия в Корее», изданного в том же году в Харбине³².

Архимандриту Феодосию пришлось нести на себе тяжкое бремя управления Миссией в сложные годы — в условиях, когда из России не только не приходилось ожидать поддержки, но даже существовала угроза. Миссия была вынуждена фактически прекратить свою миссионерскую деятельность с закрытием школ в середине 1917 г. и увольнением катехизаторов Миссии. Ее работа фактически свелась к сохранению православной общины в Корее и пастырской деятельности среди русских иммигрантов. Члены Миссии продолжали совершать богослужение в праздничные и воскресные дни, проповедовать в храмах и вне храмов, совершать требы и поездки в находившиеся в провинции миссионерские станы (к 1930 г. их уцелело только два — в городах Кёхе и Каругай), продолжали учить детей и оглашать взрослых. Миссионерские станы духовно окормлял скончавшийся от недоедания 12 декабря 1929 г. священник Лука Ким³³.

Во многом благодаря самоотверженным трудам о. Феодосия Миссия продолжала существовать, хотя преимущественно ограничивалась церковно-приходской деятельностью. За время его управления Миссией были крещены 75 человек. В 1930 г. архимандрит Феодосий обратился к архиепископу Сер-

³²Феодосий (Перевалов), архим. Российская Духовная Миссия... С. 284–287, 308–309, 312.

³³Августин (Никитин), архим. Русская Православная Миссия... С. 141–142; Анисимов Л. Православная миссия в Корее... С. 58.

гию с просьбой освободить его от должности начальника Миссии по состоянию здоровья. С согласия владыки он переехал в Токио, где скончался в 1933 г.³⁴

В 1930 г. прямое управление Миссией взял на себя Токийский архиепископ (с 1933 г. митрополит) Сергей. Из клириков в Корее остался один лишь диакон Алексей Ким Ки Хан. Фактически Миссией управлял приходской совет, в основном состоявший из русских эмигрантов. В марте 1931 г. по благословению архиепископа Сергея из Харбина в Сеул прибыл священник Александр Чистяков. Его деятельность в основном ограничивалась совершением треб и богослужений, он также заведовал хозяйством Миссии. Несмотря на отсутствие средств, он продолжал посильную миссионерскую деятельность. Около двух раз в году о. Александр посещал миссионерские станы в провинции. В 1931 г. численность православных корейцев на территории Кореи составляла 1100 человек, в 1934 г. действовала одна церковная школа. К концу своего пребывания в Сеуле (1935 г.) священник А. Чистяков крестил еще 87 корейцев, что в трудных для Миссии условиях было немало. Рукоположение Алексея Ким Ки Хана во диакона в 1932 г. митрополитом Сергием в Токио означало возобновление института корейского духовенства³⁵. Эти данные свидетельствуют, что православные корейцы снова стали преобладать среди паствы Миссии, и их количество начало понемногу расти. При этом число русских в Корее продолжало сокращаться до конца 1920-х гг., пока российская колония в Сеуле не стабилизировалась на количестве 100–200 человек.

После отделения от Московского Патриархата в конце 1920-х гг. и особенно после личного разрыва в 1931 г. с ее иерархами Владыки Сергея (Тихомирова) Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) предприняла попытку подчинить себе Корейскую Духовную Миссию. На заседании Архиерейского Синода РПЦЗ от 7 ноября 1933 г. проживавший в Маньчжурии епископ Камчатский Нестор (Анисимов) был возведён в сан архиепископа и назначен начальником Русской Духовной Миссии в Корее с пребыванием в Харбине и с титулом Камчатского и Сеульского³⁶.

Следует упомянуть, что архиепископ Нестор был личным другом владыки Сергея (Тихомирова), который задолго до революции возглавлял его архиерейскую хиротонию. Впоследствии архиепископ Нестор чувствовал выжившиеся

³⁴ Поздняев Д., *свящ.* К истории Российской... С. 355–356.

³⁵ Там же. С. 356; Rutt R. *The Orthodox Church...* P. 490; Анисимов Л. *Православная миссия в Корее...* С. 58.

³⁶ Фомин С. *Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов).* М., 2004. С. 203.

в принятии нового титула своего рода предательство по отношению к митрополиту Сергию, он отправил в Токио несколько писем, где пытался оправдываться и просил принять свои извинения. В конечном итоге владыка Нестор не был допущен в Корею, да и большая часть корейской православной паствы осталась верна митрополиту Сергию (Тихомирову). На заседании Архиерейского Синода от 13 апреля 1934 г. было решено освободить архиепископа Нестора от должности начальника Корейской Миссии, а «Архипастырское руководство миссионерской работой в Северной Корее вновь поручить Преосвященному Архиепископу Харбинскому и Маньчжурскому Мелетию»³⁷.

Таким образом, Харбинская епархия РПЦЗ продолжила попытки своей миссионерской деятельности в Корее. На севере страны еще с 1925 г. проповедовали миссионеры из Харбина³⁸. При этом важную роль сыграл служивший в Корейской Миссии с 1915 г. псаломщик Павел Афанасьев. Выплата его заработной платы была прекращена в мае 1918 г. из-за отсутствия средств. В 1919-1922 гг. он обучался в Восточном институте во Владивостоке и после взятия Красной армией этого города вернулся в Сеул, где надеялся вновь устроиться на службу в Духовную Миссию. Из-за длительного отсутствия в Миссии, незадолго до возвращения в Сеул, в 1921 г. Афанасьев был официально выведен за штат ее сотрудников, поэтому вновь принять его на службу оказалось непросто. Владыка Сергей (Тихомиров) также не благословил псаломщика на труды в Миссии. Тогда П. Афанасьев самостоятельно начал проповедовать Православие в северной Корее и к 1929 г. обратил в Православие 120 корейцев в г. Пхеньяне (по-японски Хэйдзэ)³⁹.

Подчинившись в 1931 г. правящему архиерею Харбинской епархии — архиепископу Мелетию (Заборовскому), П. Афанасьев открыл в Пхеньяне миссионерский стан, где за два года обратил в православную веру около 450 корейцев, из которых 50 стали его активными прихожанами. Сначала он был пострижен владыкой Мелетием в сан монаха, а в мае 1933 г. рукоположен во иеромонаха⁴⁰. О. Павел имел в Пхеньяне домовую церковь, но паства оставалась немногочисленной. Англиканский настоятель пастор Чадвел (впоследствии епископ)

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6343, оп. 1, д. 205, л. 18.

³⁸ Seide G. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989. S. 273.

³⁹ Bolshakoff S. The Foreign Missions of the Russian Orthodox Church. London–New York, 1943. P. 75; Феодосий (Перевалов), архим. Российская Духовная Миссия... С. 291.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 234, л. 46–49; Bolshakoff S. The Foreign Missions... P. 75.

знал иеромонаха, и тот не раз пользовался его материальной поддержкой. После 1939 г. сведения об о. Павле отсутствуют. По предположению архимандрита Августина (Никитина), этот русский миссионер и его дело не пережили коммунистического режима и Корейской войны 1950–1953 гг.⁴¹

В 1937 г. в имении Ю.М. Янковского «Новина» (фактически небольшом русском курорте, основанном в 1926 г.), расположенном на северо-восточном побережье страны вблизи корейско-китайской границы (у порта Чхонджин), был построен Воскресенский храм для русских эмигрантов, приезжавших в Северную Корею из Маньчжурии в период летней жары в Китае (они жили в «Новине» или в находившемся поблизости курорте «Лукоморье»)⁴². Миссионерский стан с домовою церковью в Пхеньяне и Воскресенский храм в имении «Новина» оставались в ведении Харбинской епархии РПЦЗ до 1940-х гг. (последние упоминания о них встречаются в 1939–1940 гг.)⁴³.

В марте 1936 г. митрополит Сергей назначил заведующим Корейской Миссии иеромонаха Поликарпа (Георгия Кондратьевича Приймака, 1912–1989). Г.К. Приймак родился 1 апреля 1912 г. во Владивостоке в крестьянской семье, в начале 1920-х гг. эмигрировал с родителями в Маньчжурию, где в 1930 г. закончил среднюю школу. В 1931 г. он приехал в Японию, учился в Токийской Духовной семинарии, 8 марта 1936 г. был рукоположен во диакона в Воскресенском соборе Токио, 13 марта принял монашеский постриг и 15 марта был рукоположен во иеромонаха. 30 марта о. Поликарп покинул Токио и в начале апреля прибыл в Корею⁴⁴.

К периоду 1936–1939 гг. относятся попытки возрождения миссионерской деятельности на территории Кореи. В 1936 г. Миссия организовала строительство часовни-церкви в Омпо (Северная Корея). Фактически деятельность о. Поликарпа в тот период распространялась на весь Корейский полуостров. Его паства проживала в 17 городах, таких как Пхеньян, Хопучин, Кайсю, Каругай, Кёхе, Ресин и др. В основном эти общины состояли из русских, корейцев же, находящихся в постоянном контакте с ним, по данным заведующего Миссии,

⁴¹Августин (Никитин), архим. Россия и Корея... С. 154.

⁴²Хлеб Небесный. Харбин. 1939. № 10. С. 111; Касьянов Н.В. Приморские имения в окрестностях Владивостока на рубеже XIX–XX веков // Русская усадьба. Москва. 2005. № 11 (27). С. 271–286.

⁴³Хлеб Небесный. Харбин. 1940. № 5. С. 69; Rutt R. The Orthodox Church... P. 488.

⁴⁴ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101 (личное дело епископа Поликарпа), л. 7–8; Бесстремьянная Г.Е. Из Японии в Иерусалим // Альфа и Омега. 2007. № 1 (48). С. 334–335; Русская Православная Церковь... С. 164.

насчитывалось около 150 человек. По этой причине и из-за политики японских властей богослужения и проповеди совершались на церковнославянском и русском языках и только ектении — на корейском⁴⁵. Таким образом, успех миссионерства не был значительным — по-прежнему не хватало средств на открытие школ и на содержание катехизаторов. Деятельность Миссии оставалась преимущественно церковно-приходской.

В 1936–1938 гг. о. Поликарп несколько раз ненадолго приезжал в Японию. Следует отметить, что Корейская Миссия не рассматривалась как часть Японской Православной Церкви: на Соборах последней никогда не было представителей Миссии и не разбирались ее дела. Таким образом, Японскую Церковь и Корейскую Миссию объединяло только личное возглавление их митрополитом Сергием. Параллельное существование православных японцев на полуострове продолжалось в течение всего колониального периода. Так, в 1935 и 1936 гг. Соборы Японской Православной Церкви зарегистрировали 135 их представителей в Корее. Последующее небольшое увеличение числа православных японцев — до 162 в 1940 г., вероятно, объясняется ростом количества японских военнослужащих. На первом послевоенном Соборе в июле 1946 г. еще говорилось о необходимости удаления из списков членов Церкви «приблизительно 130 прихожан, живущих в Корее»⁴⁶. К этим православным японцам в 1930-е гг. по-прежнему один раз в год приезжал из Нагасаки священник, хотя позднее о. Поликарп писал, что и ему периодически приходилось духовно окормлять их. В октябре 1939 г. митрополит Сергей возвел иеромонаха Поликарпа в сан игумена и назначил его председателем Хозяйственного комитета при Миссии⁴⁷.

13 июля 1940 г. Собор православных японцев под давлением властей страны, стремившихся по военным и политическим обстоятельствам отстранить иностранцев от руководства религиозными организациями, объявил о прекращении церковного общения с Московским Патриархатом, и митрополит Токийский Сергей был отстранен от управления Японской Церковью. Оставив кафедру, он, однако, не сложил с себя обязанностей начальника Русской Духовной Миссии в Японии. Не отказался он и от архипастырского окормления Русской Миссии в Корее. Более того, митрополит Сергей, лишенный помощи со стороны православных японцев, при помощи Корейской Миссии обустроил на окра-

⁴⁵ Анисимов Л. Православная миссия в Корее... С. 58; Поздняев Д., свящ. К истории Российской... С. 358.

⁴⁶ Kharin I. Orthodoxy in Korea... P. 37.

⁴⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 9.

ине Токио домовый храм, в котором совершал богослужения до своей смерти 11 августа 1945 г.⁴⁸

Таким образом, эта Миссия, единственная из всех зарубежных Русских Православных Миссий, фактически осталась под юрисдикцией Московского Патриархата. По мнению некоторых историков с началом, II Мировой войны РПЦЗ была близка к подчинению Корейской Миссии путем поглощения всей Японской епархии, от которой Миссия зависела⁴⁹. Однако, хотя русские иерархи в Харбине и хиротонисали 6 апреля 1941 г. во епископа Токийского японского протоиерея Иоанна Оно Киичи, это не означало включение Японской Православной Церкви в состав РПЦЗ.

Под давлением японских властей по военным и политическим обстоятельствам владыка Сергей 8 октября 1941 г. был вынужден формально отказаться от попечения о Корейской Духовной Миссии. Всю полноту власти и ответственность за сохранность имущества он передал о. Поликарпу (последний раз они виделись лично в ноябре 1941 г.), назначив его начальником Миссии с возведением в сан архимандрита и подчеркнув слово «Российской» в своей резолюции от 8 октября (это было связано с требованием японских властей ограничить деятельность Миссии окормлением русских эмигрантов, и владыка пытался избежать противодействия японцам и сохранить ее правовой статус)⁵⁰. Однако митрополит Сергей еще около трех лет продолжал фактически возглавлять Корейскую Миссию: последнее письмо с указаниями архимандриту Поликарпу было послано 19 октября 1944 г.⁵¹ В дальнейшем японские власти сделали эту связь невозможной.

Еще в 1936 г. новый генерал-губернатор Кореи Минами Хиро начал проводить политику активной японизации и ассимиляции путем запрещения употребления корейского языка в средствах массовой информации, преподавании и общественной жизни. До этого времени японские власти относились к Корее как к внешней территории, а затем она стала рассматриваться в качестве части «большой Японии» — базы для экспансии в Китай. Однако если большинству религиозных организаций Кореи разрешили оставить богослужение на корейском языке, в отношении Православной Миссии была выбрана иная тактика. В то вре-

⁴⁸См: *Суханова Н.А.* История становления автономии Православной Церкви в Японии (1912–1970 гг.). Дисс... канд. исторических наук. М., 2008.

⁴⁹*Kharin I.* Orthodoxy in Korea... P. 18.

⁵⁰*Анисимов Л.* Православная миссия в Корее... С. 58.

⁵¹ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 75, л. 175.

мя как японцы стремились национализировать другие религиозные организации Кореи, высылая иностранцев, Православную Миссию они решили «загнать в гетто», жестко ограничивая ее деятельность духовным окормлением русских эмигрантах.

В 1941 г. японские военные власти выслали из Кореи всех иностранных миссионеров, как «проводников чужого влияния», кроме архимандрита Поликарпа. Это исключение было сделано в связи с тем, что русские были важны для японских планов в Маньчжурии и России, и их решили не трогать. После начала II Мировой войны, под предлогом мер по обеспечению безопасности, власти запретили поездки архимандрита в миссионерские станы и пытались ограничить общение русских с корейцами, которых всячески старались отсечь от Миссии. О. Поликарпу фактически запретили покидать Сеул, а православным корейцам — приезжать из провинции в Миссию и посещать богослужения в ее храме. Только проживавшие в Сеуле корейцы могли это полулегально делать⁵².

Также были полностью запрещены православные богослужения на корейском языке, и они в соответствии с указанием митрополитом Сергием от октября 1941 г. проводились только на церковно-славянском. В 1951 г. архимандрит Поликарп писал в своей автобиографии: «Из-за невозможности тогда миссионерствовать по политической ситуации митрополит Сергий ограничил мою деятельность духовным окормлением только русских в Корее с охранением имущества Миссии»⁵³. Контакты начальника Миссии с большинством его паствы оказались разорванными, и в годы войны он окормлял менее 30 православных корейцев. Впрочем, в военный период Миссия почти не подвергалась прямым попыткам захвата имущества⁵⁴. Однако японские власти потребовали пожертвовать на нужды войны колокола из миссионерских станов, о. Поликарп не дал своего согласия, и, в конце концов, они были взяты без разрешения архимандрита; колокола же самой Миссии в Сеуле удалось сохранить.

В конце войны, поскольку русские иерархи в Маньчжурии тайно отправили ходатайство о присоединении к Московскому Патриархату, Корейская Миссия, возможно, была передана под их власть уже в 1944 г., хотя сама Харбинская епархия РПЦЗ формально перешла в юрисдикцию Московского Патриарха только 27 декабря 1945 г. В соответствии с датированным этим же числом указом Патриарха Алексия I управляемая о. Поликарпом Корейская Миссия,

⁵² *Kharin I. Orthodoxy in Korea...* P. 37; *Анисимов Л. Православная миссия в Корее...* С. 59.

⁵³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 10.

⁵⁴ Там же. Оп. 1, д. 75, л. 176.

«временно самостоятельная», была принята в ведение Московского Патриарха, а сам архимандрит утвержден ее настоятелем⁵⁵. 1 апреля 1946 г. архиепископ Харбинский Нестор (Анисимов) написал архимандриту Поликарпу, что Корейская Миссия включена в состав новообразованного Восточно-Азиатского экзархата. Это известие было получено в Сеуле 29 мая и признано в ответном письме о. Поликарпа от 21 июня 1946 г., приложившем к нему отчет о своей деятельности и состоянии Миссии⁵⁶. Таким образом, несмотря на временное прерывание связей, Корейская Духовная Миссия неизменно оставалась преданной Московскому Патриархату.

В указанном письме архиепископу Нестору о. Поликарп писал: «Преждевременная кончина Владыки Митрополита Сергия неблагоприятно отразилась на Духовных Миссиях в Японии и в Корее... Епископ Николай Оно, ставленник японской жандармерии и возглавитель “группы малOVERов-спекулянтов” (выражение покойного Владыки Сергия. — *А. П.*), среди большинства православных японцев остался не признанным. И, конечно, после окончания войны наш Владыка Митрополит автоматически возглавил бы опять Японскую Православную Церковь... И наша Миссия в Корее вздохнула бы тогда облегченно... приходится много времени и сил употреблять на то, чтобы “отлаиваться”... Простите, так в шутку я называл свою деятельность при японцах, которые особенно в период войны 1941–1945 гг. с разных сторон подбирались к имуществу Миссии. К сожалению, вместо отдыха и регулярной прямой работы по Миссии, приходится продолжать “отлаиваться”... Будь жив Владыка, ничего, пожалуй, этого не было бы. Но... Владыки нет... Вы поймете, поэтому, мою особенную благодарность местному Генеральному Консульству СССР, которое помогло мне связаться с Патриархией и с Вашим Высокопреосвященством. Остро чувствовавший раньше одиночество и оторванность в работе по защите от посягательств на имущество Миссии, я опять обрел силы и надежду видеть спасенным здесь слабо тлеющий огонек Православия, готовый вот-вот затухнуть. Не оставьте же Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка, нашей Миссии без своих забот и попечений. Верю, что под мудрым водительством Вашего Высокопреосвященства — опытного миссионера — положение Духовной Миссии в Корее закрепится, — и из захиревшей, почти мертвой, она восстанет обновленной и цветущей»⁵⁷.

⁵⁵ Поздняев Д., свящ. Указ. соч. С. 359; Анисимов Л. Православная миссия в Корее... С. 59.

⁵⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 75, л. 174.

⁵⁷ Там же. Л. 175–176.

II Мировая война не очень заметно повлияла на жизнь не только «белой», но и «красной» русской колонии в Корее. Даже после того, как 8 августа 1945 г. СССР официально объявил войну Японии, сотрудники советского консульства не были арестованы, японские власти лишь запретили им покидать территорию консульства. Эти ограничения действовали только неделю, так как 15 августа война в Корее завершилась, и страна освободилась от 35-летней оккупации⁵⁸. Изгнание японцев, раздел Кореи на северную и южную части по 38-й параллели, и установление там соответственно «коммунистического» и «демократического» режимов стало началом нового этапа истории Православной Миссии, очень осложненного постепенно разгоравшейся борьбой двух послевоенных сверхдержав — СССР и США. Контраст между строгим контролированием и притеснением христиан на севере Кореи, где они представлялись опасными конкурентами коммунистов, и поддержкой христиан на юге, где американцы видели в них естественных союзников, вызвал «религиозную эмиграцию» на юг. Это стало причиной переезда в район Сеула некоторого количества православных корейцев и антисоветски настроенных русских эмигрантов из Северной Кореи и Маньчжурии.

Вызванная притоком беженцев острая нехватка жилой площади стала причиной новых покушений на собственность Духовной Миссии. Некоторые из покинувших Китай русских эмигрантов участвовали в попытке захвата Миссии в 1925 г. Среди участников этого покушения был и диакон Алексей Ким Ки Хан. В 1930-х гг. он трудился в Миссии, но, согласно свидетельству архимандрита Поликарпа, по причине слабого образования и отсутствия интереса к миссионерской работе оказался мало полезен для дела. Митрополит Сергей терпел присутствие о. Алексея в Миссии лишь постольку, поскольку он был, по словам владыки, «осколком от старой Миссии» (Ким учился школе, принадлежавшей Миссии, в 1907–1912 гг.). Таким образом, диакон Алексей фактически был временно принят на службу в Миссию из жалости и нежелания дать повод упрекнуть русских в безразличии к миссионерским трудам среди корейцев⁵⁹.

Тем временем, изменилось настроение прежней «белой» эмиграции в Сеуле, прежде всего в связи с политикой советских властей по оказанию помощи интеграции русской православной диаспоры с Московским Патриархатом, за что архимандрит Поликарп к лету 1946 г. выразил благодарность генераль-

⁵⁸ *Августин (Никитин), архим.* Россия и Корея... С. 155.

⁵⁹ *Поздняев Д., свящ.* К истории Российской... С. 359–360.

ному консульству СССР в Сеуле⁶⁰. Многие из этих русских приняли советское гражданство и уехали из Сеула после того, как консульство СССР было закрыто американцами в 1946 г. из-за его предполагаемой поддержки нелегальной левой оппозиции. К лету 1947 г. взрослое русское эмигрантское население Сеула сократилось примерно до 20 человек⁶¹.

В первое послевоенное время, видя доброжелательное отношение к христианским миссионерам со стороны американских военных властей в Корее, о. Поликарп, подобрав себе новых помощников, возобновил активную миссионерскую деятельность. В этом деле ему, по благословию Патриарха Московского и всея Руси, оказывал материальную помощь Восточно-Азиатский экзархат (с центром в Харбине)⁶². Кроме того архимандрит предпринял попытку упорядочить деятельность Миссии и расширить помещения для ризницы, библиотеки, церковных собраний и т.д. Для этого необходимо было отказаться в аренде зданий Миссии ряду лиц, проживавших в Миссии и даже незаконно сдавших в целях прибыли часть занимаемых квартир. Обиженные квартиранты старались оклеветать о. Поликарпа перед властями. В частности, пользуясь националистическими чувствами корейцев, эти люди распространяли слухи о том, что имущество Миссии принадлежит ненавистной Японии (при этом вспоминалось о регистрации собственности Миссии в 1925 г., проведенной архимандритом Феодосием)⁶³. Архимандрит Поликарп так писал об этой ситуации в упоминавшемся письме архиепископу Нестору от 21 июля 1946 г.: «В Корее у нашей Миссии находятся “доброжелатели” из русских беженцев, которые по некоторым соображениям (главный образ, кажется, потому, что хотят удержаться в миссийских удобных для них квартирах) наговаривают американцам, что наша Миссия, мол, была японским имуществом (это базируют на том основании, что некоторое недвижимое имущество зарегистрировано на имя Имущественного Общества Японской Православной Церкви...) и поэтому-де теперь имущество должно перейти американцам»⁶⁴.

Представление, что это было «японское имущество», оказалось широко распространенным и среди корейцев и сыграло существенную роль в дальнейших событиях. Конфликт тлел до 1947 г., когда для участия в конференции по

⁶⁰ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 75, л. 175.

⁶¹Республика Корея. С. 48; *Kharin I. Orthodoxy in Korea...* P. 38.

⁶²ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 10.

⁶³*Поздняев Д., свящ.* К истории Российской... С. 360.

⁶⁴ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 75, л. 175.

вопросу объединения Кореи в Сеул приехала советская комиссия, снова разместившаяся в здании Российского консульства рядом с Миссией и превратившая эту часть Чонг-Донга в «центр коммунистической пропаганды» в Сеуле. Дом архимандрита Поликарпа находился по соседству, и советские делегаты посетили его; кроме того произошел публичный скандал в церкви. До сих пор не вполне ясны отношения сотрудников комиссии с о. Поликарпом в это время: в середине 1950-х гг. некоторые православные корейцы говорили, что видели изображение Сталина в доме архимандрита Поликарпа, красный флажок на церковных воротах и шумные заседания, которые «комиссары» устраивали в Миссии. В то же время местные русские эмигранты утверждали, что о. Поликарп никогда не был настроен коммунистически⁶⁵.

7 января 1947 г. в Токио для управления Японской православной епархией при содействии оккупационной администрации США прибыл находившийся в юрисдикции русской Северо-Американской митрополии архиепископ Питсбургский Вениамин (Басальга), делегация же Московского Патриархата не была пропущена в Японию американскими властями. 5 июня того же года противники архимандрита Поликарпа из среды русских эмигрантов и корейцев, имевшие к нему претензии в личном плане и рассчитывавшие на получение имущества Миссии, объединились и направили два письма епископу Вениамину с просьбой решить вопрос об их «духовном окормлении», убрать о. Поликарпа и назначить нового священника (эти письма остались без резолюции)⁶⁶.

Не вполне ясно, как авторы писем поняли природу церковных преобразований, которые произошли в военной и послевоенной Японии, поскольку оба ходатайства просто называют Токио центром Японской Православной Церкви с довоенного периода, и авторы просят, чтобы новый священник был послан оттуда или из США. Обвинения против начальника Миссии в основном касаются духовной дисциплины и этики; о. Поликарп подозревается в прелюбодеянии и обвиняется в увольнении сотрудников в связи с личными разногласиями. Он также обвиняется в несоблюдении поста, организации группировок, игнорировании Корейского комитета и использовании церковного капитала по собственному усмотрению. Соответствующие ходатайства подписали 6 русских и 58 корейцев. Правдивость этих обвинений установить невозможно, однако следует отметить почти полное отсутствие политических мотивов; хотя русские и упоминали ор-

⁶⁵Rutt R. The Orthodox Church... P. 487; *Архимандрит Августин (Никитин)*. Россия и Корея... С. 155.

⁶⁶Kharin I. Orthodoxy in Korea... P. 20.

ганизацию о. Поликарпом вечера для советских офицеров и праздничное освещение здания церкви 1 мая, но не было никакого предположения о шпионаже⁶⁷.

Благодаря помощи западных миссионеров, знавших архимандрита Поликарпа долгие годы, ему удалось убедить власти воспрепятствовать приезду архиепископа Вениамина в Сеул и временно предотвратить поглощение им Корейской Миссии⁶⁸. В то время как в Японии в свете холодной войны борьба за Православную Церковь шла полным ходом, власти Южной Кореи все еще расценивали это как внутренний духовный вопрос. Конфликт, тем не менее, не был исчерпан. Летом 1948 г. группа «корейских дельцов» подала в Имущественное попечительство заявление о своих правах на имущество Миссии, но архимандриту Поликарпу, по его словам, удалось «отбиться»⁶⁹.

Хотя оппозиция о. Поликарпу не исчезла, внутренние волнения в Миссии, возможно, со временем бы прекратились, если бы не произошло обострение американско-советского кризиса на Корейском полуострове. Южнокорейские и американские власти стали подозревать Православную Миссию в качестве канала коммунистического влияния. Вероятно, не без участия властей, в начале октября 1948 г. архиепископ Вениамин (Басалыга) в тайне от архимандрита Поликарпа вызвал диакона Алексея Ким Ки Хан в Токио, рукоположил его во иерея и назначил «начальником Корейской Миссии»⁷⁰. Вряд ли это оказалось сделано по инициативе владыки Вениамина, который, по отзывам современников, был совсем не агрессивен в церковном плане.

12 декабря 1948 г., после Божественной литургии в храме Миссии, противники архимандрита Поликарпа зачитали письмо архиепископа Вениамина, с предписанием сдать все дела начальника Миссии о. Алексею Ким Ки Хану на основании того, что православные японцы признали юрисдикцию митрополита Феофила. Разорвав русскую копию послания архиепископа, о. Поликарп заявил, что не подчиняется требованиям незаконной церковной власти, так как Корейская Миссия никогда не была в ведении Японской консистории, а лишь в личном ведении митрополита Сергия (Тихомирова). Архимандрит попросил всех разойтись, но толпа недоброжелателей насильно вывела его из храма, разорвала рясу и разбила стекла в дверях церкви. О. Поликарпа пыталось защитить несколько

⁶⁷Подлинники писем хранятся в Архиве Американской Автокефальной Православной Церкви (Archives of the Orthodox Church of America).

⁶⁸Поздняев Д., *свящ.* К истории Российской... С. 361

⁶⁹ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 16.

⁷⁰Там же. Л. 17; *Rutt R. The Orthodox Church...* P. 487.

русских прихожанок во главе с его матерью, но лишь полиции удалось остановить потасовку. Вечером того же дня архимандрит Поликарпа и его мать были арестованы и заключены в полицейский участок. После свидетельства начальника Миссии захват ее имущества произошел с согласия американской администрации⁷¹.

18 декабря в присутствии о. Алексия Ким Ки Хана и нескольких его сторонников полицейский чиновник предложил «передать им церковь для возобновления богослужения» и спросил, согласен ли о. Поликарп с распоряжением церковной власти в лице архиепископа Вениамина. Архимандрит Поликарп дал отрицательный ответ. «Признаешь ты или не признаешь, сдаешь ты или не сдаешь, — нас это не касается... Мы признаем и мы сделаем, в целях общественного спокойствия...» — таково было заключение полицейского чиновника. Тут же, без подписи о. Поликарпа, был составлен соответствующий протокол, закреплявший права на Духовную Миссию с ее земельными участками, постройками, движимым имуществом и библиотекой за раскольниками⁷².

До 23 декабря архимандрит вместе с матерью сидел в полицейском участке, затем мать освободили, а начальника Миссии перевели в тюрьму Кемукван, где от него продолжали добиваться признания законными распоряжений из Токио. Пребывание архимандрита Поликарпа в тюрьме Кемукван закончилось 29 декабря 1948 г. благодаря защите адвоката, нанятого стараниями одной благочестивой русской прихожанки. Суд не нашел никакой вины за о. Поликарпом, его обвинение в «политической неблагонадежности» и шпионаже в пользу СССР сфабриковать не удалось⁷³. Возвращение захваченного имущества Миссии оказалось чрезвычайно сложным — это можно было сделать лишь через суд, решение которого почти наверняка не было бы в пользу о. Поликарпа. 10 мая 1949 г. архимандрит Поликарп писал в телеграмме на имя Патриарха Алексия (Симанского): «Меня всячески принуждают сдать Миссию и уйти из Миссии. Молюсь в своей келии»⁷⁴.

Еще в январе 1949 г. о. Поликарп и его мать приняли советское гражданство. Выйдя из тюрьмы, архимандрит находился под наблюдением полиции и жил подаянием, но, несмотря на это, принял все меры, чтобы вернуть Миссию через суд, так как имел для этого законные основания. По свидетельству о. По-

⁷¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 11, 18.

⁷² Поздняев Д., свящ. К истории Российской... С. 361–362.

⁷³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 11, 18.

⁷⁴ Поздняев Д., свящ. К истории Российской... С. 362.

ликарпа ему с помощью экзарха Московского Патриархата в Америке архиепископа Макария почти удалось добиться успеха в деле возвращения Миссии, однако этому помешали новые репрессии⁷⁵.

18 июня 1949 г. о. Поликарп был вторично арестован по обвинению в шпионаже и заключен в тюрьму. В отделении полиции архимандрита допросили и заявили, что поскольку стало известно о принятии его в советское гражданство, то он подлежит высылке по распоряжению южнокорейских властей. В своей автобиографии от 3 января 1951 г. о. Поликарп отмечал: «... Ко мне были применены азиатские пытки... [21 июня]. По истечении 11 дней меня вместе с матерью выслали из Южной Кореи в Северную, причем все наше личное имущество было конфисковано»⁷⁶. 29 июня в сопровождении полицейских архимандрита Поликарпа и его престарелую мать доставили к 38-й параллели и предложили идти дальше самим. Через несколько часов они достигли северокорейского пограничного пункта, где их доставили к офицеру. 3 июля 1949 г. архимандрит прибыл в Пхеньян, где ему была оказана советским посольством необходимая материальная и медицинская помощь⁷⁷.

Вскоре Патриарх Алексей прислал о. Поликарпу телеграмму, полную заботы о дальнейшей судьбе Корейской Миссии: «С удовлетворением узнали мы о Вашем освобождении. Сердечно поздравляем. Прошу прислать ответ о состоянии Миссии в Сеуле, о причинах высылки и Ваших соображениях о дальнейших мероприятиях по восстановлению деятельности Миссии»⁷⁸. Ответная телеграмма архимандрита была краткой и не внушала оптимизма: «... Все движимое и недвижимое имущество Миссии незаконно передано через полицию корейцам, признавшим феофиловскую юрисдикцию. Думаю, что восстановить деятельность Миссии можно будет только после того, как будет восстановлена законная власть в Южной Корее»⁷⁹. 18 июля о. Поликарп рассказал в Пхеньяне корреспонденту ТАСС об истории своего служения и высылки из Южной Кореи. В конце августа 1949 г. архимандрит, согласно новой телеграмме Патриарха Алексея, выехал в Харбин, где стал служить в Никольском кафедральном соборе.

⁷⁵ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 12; Журнал Московской Патриархии. 1949. № 8. С. 11.

⁷⁶Поздняев Д., свящ. К истории Российской... С. 362.

⁷⁷Известия. 1949. 21 июля; Журнал Московской Патриархии. 1949. № 8. С. 12.

⁷⁸ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101, л. 39.

⁷⁹Там же. Л. 40.

В дальнейшем бывшего начальника Миссии без малейших оснований называли в южнокорейской печати советским агентом. Еще в середине 1960-х гг. православный корейский студент-теолог Александр Чанг⁸⁰ в своей работе писал, что «в действительности он секретно работал на коммунистическую шпионскую сеть»⁸¹. Однако материалы хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации личного дела владыки Поликарпа полностью опровергают эти утверждения. Наоборот, чиновники Совета по делам Русской Православной Церкви относились к нему как к бывшему эмигранту с явным недоверием (несмотря на его героическое поведение в Сеуле)⁸².

Только 21 декабря 1950 г. архимандрит Поликарп приехал из Харбина в Москву. В сентябре 1951 г. он был назначен в Иерусалим начальником Русской Духовной Миссии в Палестине и служил там до апреля 1955 г., затем был духовником Свято-Николаевского женского монастыря в Мукачево. 19 июля 1957 г. в Троице-Сергиевой Лавре состоялась хиротония о. Поликарпа во епископа Кировского и Слободского, которую возглавил Патриарх Алексей. В ноябре 1962 г. владыка Поликарп был назначен епископом Архангельским и Холмогорским, в январе 1966 г. — епископом Ивановским, а в июле 1968 г. — епископом Пензенским и Саранским. 16 декабря 1969 г. он был уволен на покой и проживал в Симферополе, где и скончался 23 июля 1989 г. Погребли владыку на кладбище с. Пионерское в Крыму, в тех местах, где он, будучи на покое, часто рисовал⁸³.

Таким образом, при активном содействии южнокорейских властей и американской оккупационной администрации Русская Православная Миссия в Сеуле перешла в юрисдикцию возглавлявшего Северо-Американский митрополичий округ митрополита Феофила (Пашковского, 1874–1950). Церковные, также как и дипломатические, торговые и культурные связи между Россией (в тот момент СССР) и Южной Кореей были насильственно расторгнуты. Начальником Миссии стал о. Алексей Ким Ки Хан, управлявший ею до середины 1950 г. Падение Сеула в первые дни Корейской войны поставило православных прихожан перед выбором: остаться под коммунистической властью или уходить на юг с отступающими войсками. Большинство, по всей видимости, бежало в Пусан, взяв

⁸⁰Ещё одно упоминание о нем см. ниже. — *Прим. ред.*

⁸¹Chang A. «Land of the Morning Calm» // «Zoe», the Brotherhood of Theologians. A Sign of God. Orthodoxy-1964. A Pan-Orthodox Symposium. Athens, 1964. P. 325.

⁸²ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 101.

⁸³Там же; *Киреев А., протодиак.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 годах. М., 2005. С. 493–494.

с собой церковные святыни, но их пастырь — о. Алексей остался и был арестован коммунистами 9 июля 1950 г., депортирован на север страны и бесследно исчез (вероятно, погиб). Во время боев за Сеул здание Российского консульства оказалось разрушено, принадлежавшие Миссии постройки сильно пострадали, а церковь взорвали⁸⁴.

После изгнания северян из Сеула православные корейцы вернулись к разрушенным зданиям Миссии, и первоначально были вынуждены собираться во дворе. Однако вскоре они получили неожиданную помощь. В период боевых действий с греческой экспедиционной бригадой в составе войск ООН в Корею прибыли священники Элладской Церкви, что в дальнейшем имело серьезные последствия. В 1952–1953 гг. православная церковь в Сеуле была восстановлена с помощью пожертвований греческих солдат, и корейцев стали окормлять священники бригады. Особым рвением в этом плане отличался архимандрит Андреас (Халкиопулос); несколько сотен новых прихожан приняли святое крещение и были обучены основам христианской веры. Греческие солдаты присоединились к корейскому церковному хору и стали участвовать в православных праздниках на территории Миссии. Определенную поддержку корейские миряне получали также от эфиопов (особенно от их полкового священника Арайи Селассиэ) и от немногочисленных американских православных солдат, но только греческие священники помогли им возобновить богослужebную жизнь. После окончания войны два молодых корейца — Костас Ким и Александр Чанг были взяты учиться в Коринфской теологической семинарии⁸⁵.

В самом конце войны — 15 июля 1953 г. в Сеул на несколько дней прилетел известный архипастырь Северо-Американской митрополии — епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Он прибыл с целью передать благословение православным воинам, находившимся в американской армии и частях ООН, а также посетить сильно пострадавшую в ходе боев Корейскую Духовную Миссию. В своих заметках о посещении Кореи владыка так описывал свои впечатления: «Вечером того же дня было служение в храме православной нашей Сеульской Миссии... Приходят молодые и пожилые корейцы. Всего собирается человек 40. Мы надеваем рясы, облачаемся и служим акафист по-славянски и по-гречески... Молимся за корейский народ и за все народы мира, — и за это малое стадо православное, чудом сохранившееся среди полуразрушенного города,

⁸⁴ Ланьков А. Христианство в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2. С. 131; Rutt R. The Orthodox Church... P. 488.

⁸⁵ Rutt R. The Orthodox Church... P. 488–489; Chang A. «Land of the Morning...» P. 325–326.

его полуразбитой миссии... Говорю им слово, которое переводит на корейский язык пожилой кореец, староста, бывший переводчик русской дипломатической миссии в Сеуле... Раздаю корейцам крестики, иконки»⁸⁶.

На следующий день епископ Иоанн раздал в здании Миссии привезенные из США подарки и провел собрание прихожан, на котором они предложили двух кандидатов «для посвящения постоянного пастыря-корейца». Владыка выразил согласие на проведение рукоположения и обещал материальную помощь от Православной Церкви в Америке, однако общее впечатление от увиденного у него осталось тяжелое: «Миссия Сеульская почти разрушена, и число членов уменьшилось более, чем в 10 раз...»⁸⁷.

После окончания кровопролитной войны 1950–1953 гг. Корея была разделена на два государства по 38-й параллели. В северной части (так называемой Корейской народной демократической республике) православная церковная жизнь исчезла на несколько десятилетий, а в южной сохранилась и получила дальнейшее развитие. Побывавший в Сеуле вскоре после войны американец Ричард Ратт позднее вспоминал: «Трогательно было присутствовать на литургии весной 1954 года, которая служилась и пелась на корейском языке, но по русским напевам, с несколькими ектениями по-славянски и по-гречески, причем солдаты отвечали хором на свой распев. Было еще любопытнее принимать участие в приходском пикнике с корейцами, греками и эфиопами. Каждая группа со своей национальной пищей, и я — один неправославный среди всех. Я долго буду хранить теплую память об “агапе”, последовавшей за освящением новой школы при церкви [устроенной на пожертвования греческих солдат в старом миссионерском доме]»⁸⁸.

Прежде чем покинуть Сеул и вернуться в Грецию архимандрит Андреас (Халкиопулос) способствовал тому, чтобы намеченный им в качестве преемника благочестивый мирянин Борис Мун Хичун, избранный членами православной общины в Сеуле, смог принять духовный сан в Токио. 9 января 1954 г. Борис был рукоположен епископом Токийским Иренеом (Бекишем) во диакона, а на следующий день — во иерея, но это было в последний раз, когда рукоположение корейца совершил православный Токийский архиерей⁸⁹.

⁸⁶ Иоанн (Шаховской), еп. Сан-Францисский. *Время веры*. Нью-Йорк, 1954. С. 377.

⁸⁷ Там же. С. 378.

⁸⁸ Rutt R. *The Orthodox Church...* P. 489-490.

⁸⁹ Августин (Никитин), архим. *Россия и Корея...* С. 157–158; Rutt R. *The Orthodox Church...* P. 490.

Вхождение в состав Северо-Американской митрополии Японской епархии создавало непреодолимые трудности для жителей Южной Кореи. Освободившись после окончания II Мировой войны от многолетнего гнета, корейцы считали совершенно неприемлемой любую зависимость от Японии, многие из них прямо ненавидели японцев. Поэтому подчинение Японской епархии, даже формальное, стало для Корейской Миссии невозможным; ее члены хотели разорвать последнюю связь с Токио, откуда управлял ими русский епископ из Америки. Это стало основной причиной того, что состоявшийся 24 или, по другим сведениям, 25 декабря 1955 г. съезд корейских православных христиан (их насчитывалось тогда около 400) принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриархату в лице Греческой архиепископии в Америке⁹⁰. С 1956 г. их окормлял греческий экзарх Константинопольского Патриарха в Северной и Южной Америке архиепископ Иаков (Кукузис), который получил экзотический титул экзарха Атлантического и Тихого океанов. Новая надпись на портале храма в Сеуле гласила: «Корейская Православная Церковь. Диоцез [епархия] Греческой Северо-Американской Православной Церкви»⁹¹. Так начался «греческий период» в истории Православия в Корее, который в основном продолжается до настоящего времени.

С 1954 г. основную тяжесть приходской деятельности в Сеуле нес единственный священник Борис Мун, отдавший миссионерскому делу 21 год своей жизни. И только спустя два десятилетия Православная Миссия в Южной Корее активизировала свою деятельность благодаря трудам новых пастырей, прибывших сюда из Греции. В 1970 г. решением Патриарха Афинагора и Константинопольского Синода была учреждена специальная митрополичья кафедра, объединившая под своим управлением православные приходы в Новой Зеландии, Индии, Корее, Японии, Сингапуре, Индонезии, Гонконге и на Филиппинах (это был своеобразный ответ на учреждение Московским Патриархатом в 1970 г. автономной Японской Церкви и автокефальной Американской Православной Церкви). Несколько десятилетий Корейская Православная миссия находилась под омофором митрополита Новозеландского Дионисия (Псиахаса). В 1975–1990-х гг. начальником Православной Миссии в Южной Корее являлся грек архимандрит Сотиириос (Трампас). В его ведении находились три православные общины, расположенные в самых больших городах страны: Сеуле, Пусане и Инчхоне. В миссионерском центре Сеула действовал храм в честь Успения Богородицы. С

⁹⁰ *Kharin I. Orthodoxy in Korea...* P. 21; *Анисимов Л. Православная миссия в Корее...* С. 59.

⁹¹ *Rutt R. The Orthodox Church...* P. 489.

1980-х гг. в Сеуле выходит еженедельник «Ио Бо» на корейском языке. В 1968 г. для маленьких православных корейцев было построено здание воскресной школы, которую посещает около 500 детей⁹².

Следует отметить открытие в Сеуле, помимо церкви Успения Божией Матери, храма свт. Николая Чудотворца, освящение которого 24 сентября 1978 г. совершил митрополит Новозеландский Дионисий. В 1982 г. был освящен новый храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы во втором по величине городе страны — Пусане, а также основана Богословская семинария в Сеуле. Ее работа проходит в тесном контакте с Ассоциацией православной молодежи Кореи, которая является членом Международной молодежной православной организации Синдесмос. Миссия также занимается социальной работой: при миссионерском центре функционируют «Общество любви к бедным» и «Касса стипендий для нуждающихся студентов». Основной бюджет Миссии складывается из добровольных взносов верующих, перечислений из фондов «Апостолики Диакония» («Апостольское служение» — миссионерская организация при Священном Синоде Элладской Церкви) и частных пожертвований через Общество корейско-греческой дружбы. О том, что к Православию проявляется немалый интерес говорит уже тот факт, что во время Олимпийских игр в Сеуле (1988 г.) на центральном стадионе была сооружена православная часовня⁹³.

В 1993 г. назначенный на корейскую кафедру архимандрит Сатириос был хиротонисан во епископа Зельского, викария митрополита Новозеландского Дионисия. В дальнейшем были построены православные храмы в Чонджу и Палангли, а в конце 1990-х гг. — часовня в г. Ислан, в Капёнге возник небольшой женский православный монастырь в честь Преображения Господня. В 1995 г. вблизи сеульского храма свт. Николая были возведены здания, в которых расположился Миссионерский центр и Богословская семинария, освященная во имя свт. Николая Чудотворца, а в дальнейшем и две небольшие церкви — Успения Пресвятой Богородицы и преп. Максима Грека⁹⁴. В июне 2004 г. владыка Сатириос был возведен в сан митрополита Корейского, получив также формальный титул экзарха Японии.

Несмотря на фактическое закрытие Российской Духовной Миссии в Корее, в стране остались православные корейцы, которые помнят, что их родители были крещены русскими священниками, и в последние два десятилетия в Ко-

⁹² *Августин (Никитин), архим.* Русская Православная Миссия... С. 143–144.

⁹³ Там же. С. 144–145; *Анисимов Л.* Православная миссия в Корее... С. 59–60.

⁹⁴ *Ланьков А.* Христианство в Корее. С. 131.

рее начали возобновляться связи Православия с Россией. В марте 1990 г., во время конференции Всемирного Совета Церквей «Справедливость, мир и целостность творения», проходившей в Сеуле, Корейская Православная Миссия гостеприимно встречала у себя участников этой конференции — представителей Матери Церкви — Русской Православной Церкви. В том же году верующие Кореи собрали 1,5 млн. долларов для выпуска значительного тиража Библии на русском языке в рамках проекта гуманитарной помощи России⁹⁵. В 1990-х гг. в Санкт-Петербургской духовной академии проходили стажировку православные студенты из Южной Кореи, в частности священник Иустин (Канг Те Янг) и чтец Владимир (Юнг Кил Ли). В 1995 г. в этой стране появился приход Русской Православной Церкви за границей, который возглавил перешедший в ее юрисдикцию из Константинопольского Патриархата корейский священник⁹⁶.

В мае 1999 г. президент Республики Корея Ким Де Чжун во время своего официального визита в Россию посетил Патриарха Московского и всея Руси Алексия II; в ходе их встречи обсуждался вопрос об открытии храма Русской Православной Церкви в Сеуле. Вскоре такая церковь была открыта вблизи православного храма свт. Николая, в одном из помещений приходского дома, ее освятили в честь преп. Максима Грека, чья судьба была связана с Россией. С сентября 2000 г. по благословению председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (нынешнего Патриарха), окормлением российской общины в Сеуле занимается окончивший Смоленскую духовную семинарию священнослужитель Московского Патриархата, кореец по национальности, иеромонах Феофан (Ким)⁹⁷. 6 июня 2006 г. он был возведен в сан игумена. В июне 2003 г. началось строительство в русском стиле православного храма Московского Патриархата в столице КНДР — Пхеньяне, которое завершилось через три года.

13 августа 2006 г. перед западным входом в храм Пресвятой Троицы, расположенный в районе Чонбек на берегу реки Тэдон в южной части Пхеньяна прошла торжественная церемония, связанная с окончанием строительства храма, в которой приняли участие митрополит Кирилл (Гундяев) с иерархами и клириками Русской Православной Церкви, а также председатель Комитета Православия КНДР Георгий Хо Ир Дин и чиновники правительства. Обращаясь к участни-

⁹⁵Комсомольская правда. 1990. 20 декабря.

⁹⁶Августин (Никитин), архим. Россия и Корея... С. 161–162; Ланьков А. Христианство в Кореи. С. 131.

⁹⁷Августин (Никитин), архим. Россия и Корея... С. 162–163.

кам церемонии, владыка Кирилл сказал: «Мы участвуем в историческом событии. Более ста лет назад русские православные люди прибыли в Корею, и здесь началась жизнь Православной Церкви. С того времени два народа стали лучше понимать друг друга. Однако после Второй мировой войны по политическим причинам Русская Православная Церковь была вынуждена покинуть юг Кореи. Сегодня мы освятим храм Живоначальной Троицы в Пхеньяне. Это корейский православный храм, построенный по инициативе руководителя страны Ким Чен Ира при активном участии Православного комитета КНДР. Этот храм воздвигнут замечательными корейскими мастерами. Русская Православная Церковь с любовью и радостью содействовала этому строительству. Мы особенно рады тому, что в этом храме будут служить корейские священнослужители. Он будет открыт для корейских верующих, а также для всех православных, которые живут в этом городе»⁹⁸.

Затем митрополит Кирилл, архиепископ Владивостокский и Приморский Вениамин, епископ Абаканский и Кызылский Ионафан, епископ Егорьевский Марк в сослужении русских и корейских клириков совершили чин великого освящения храма. По окончании крестного хода вокруг храма в основание престола храма был вложен ковчег с мощами святого новомученика Сергия Ракверского. Затем была совершена Божественная литургия, за которой владыка Кирилл рукоположил выпускника Московской Духовной семинарии диакона Федора Кима в сан пресвитера для служения в новоосвященном храме. В дар Комитету Православия КНДР была передана необходимая для его деятельности техника. 14 августа митрополитом Кириллом за литургией в сан иерея был рукоположен диакон Иоанн Ра, кореец по национальности, также получивший образование в Московской духовной семинарии. Таким образом, впервые был открыт приход Московского Патриархата в Пхеньяне. В 2007 г. исполнилось 110 лет со дня основания Российской Духовной Миссии в Корее, и к этому времени миссионерская деятельность Русской Церкви на корейской земле была снова возобновлена.

⁹⁸Заявление Службы коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата относительно православного храма в КНДР от 30 апреля 2007 г. // URL: http://orthodox.cn/news/20070430nkorea_ru.htm.

Источники и литература

1. *Bolshakoff S.* The Foreign Missions of the Russian Orthodox Church. London–New York, 1943.
2. *Chang A.* «Land of the Morning Calm» // «Zoe», the Brotherhood of Theologians. A Sign of God. Orthodoxy-1964. A Pan-Orthodox Symposium. Athens, 1964.
3. *Kharin I.* Orthodoxy in Korea: the Russian period. Princeton, 2008. Manuscript.
4. *Rutt R.* The Orthodox Church in Korea // *Sobornost*. Summer 1957, series 3: № 21.
5. *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989.
6. *Августин (Никитин), архим.* Русская Православная Миссия в Корее // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1. СПб., 1993.
7. *Августин (Никитин), архим.* Россия и Корея. Обзор церковных связей // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб., 2004.
8. *Анисимов Л.* Православная миссия в Корее (к 90-летию основания) // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 5.
9. *Бесстремляная Г.Е.* Из Японии в Иерусалим // Альфа и Омега. 2007. № 1 (48).
10. *Бувеский А.С.* Православная Церковь за границей // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 10.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6343, оп. 1, д. 205, л. 18.
12. *Поздняев Д., свящ.* К истории Российской Духовной Миссии в Корее (1917–1949) // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999.
13. Журнал Московской Патриархии. 1949. № 8.
14. Известия. 1949. 21 июля.
15. *Иннокентий, иером., Прозорова Г.В.* Рассказ о первом викарии Владивостокско-Камчатской епархии епископе Павле (Ивавовском) // Сайт Владивостокской епархии Русской Православной Церкви <http://orthodox.fegi/prav3.htm>.
16. *Иоанн (Шаховской), еп. Сан-Францисский.* Время веры. Нью-Йорк, 1954.
17. *Касьянов Н.В.* Приморские имения в окрестностях Владивостока на рубеже XIX–XX веков // Русская усадьба. Москва. 2005. № 11 (27).
18. *Киреев А., протодиак.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 годах. М., 2005.
19. Комсомольская правда. 1990. 20 декабря.
20. *Ланьков А.* Христианство в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2.

21. *Прозорова Г.В.* Знаменитые архипастыри выпускники Восточного института в г. Владивостоке // Сайт Владивостокской епархии Русской Православной Церкви <http://orthodox.fegi/prav3.htm>.
22. *Сагитова И.О., Прозорова Г.В.* Евангелизация корейского населения российского Дальнего Востока (1864–1917) // Сайт «Православие в Корее». URL: <http://www.korea.pravoverie.ru/content/view/44/39/>
23. Республика Корея. Париж–Люксембург–Москва, 2000.
24. *Розалиев Ю.Н.* Из истории российско-корейских отношений. М., 1998.
25. Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958.
26. Страница Дальневосточного филиала Центра Восточно-Азиатских исследований при Отделе Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии // orthodox.fegi.ru/prav.htm
27. *Суханова Н.А.* История становления автономии Православной Церкви в Японии (1912–1970 гг.). Дисс... канд. исторических наук. М., 2008.
28. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Выпуск XI. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве. СПб., 1912.
29. *Феодосий (Перевалов), архим.* Российская Духовная Миссия в Корее (1900–1925 гг.) // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999.
30. Хлеб Небесный. Харбин. 1939. № 10.
31. Хлеб Небесный. Харбин. 1940. № 5.
32. *Хрисанф, еп.* Из писем корейского миссионера. М., 1905.
33. Церковные ведомости. Сремски Карловцы. 1922. № 18–19.